

именно в данной школе. Возросло количество школьников, участвующих в конкурсах и ставших лауреатами и победителями этих конкурсов. Многие школьники, причем не только МАОУ СОШ № 32, но и других школ города, косвенно и непосредственно участвующие в данном проекте, проявили интерес к творческим профессиям и в дальнейшем стали поступать в творческие вузы города Екатеринбурга. У студентов педагогического университета произошло развитие профессионального интереса к практической работе с дошкольниками, младшими и старшими школьниками в плане развития их творческой активности. Данной проблеме некоторые из них посвятили свои выпускные квалификационные работы (бакалавры) и магистерские диссертации (магистры). Интерес к проблеме формирования творческой активности проявили педагоги вуза, учителя школы и работники детского сада. Так, в частности, одним учителем была защищена кандидатская диссертация по данной проблеме. Эта же проблема нашла отражение в нескольких научных статьях, в том числе в изданиях, входящих в ВАК РФ, педагогами вуза. Воспитатели детского сада создали проекты по стимулированию творческой активности дошкольников, которые были представлены на заседаниях районного методического объединения.

Рамки данного материала не позволили нам полностью раскрыть содержание проекта, его этапы, эффективные способы реализации и специфические особенности. Для более полного ознакомления с рассматриваемым проектом предлагаем обратиться к следующим публикациям [1,2,3].

Список литературы:

1. Окуненко Л.А., Тагильцева Н.Г., Заплата Е.А. Современные образовательные технологии в развитии творческой активности учащихся в условиях школы с углубленным изучением отдельных предметов художественно-эстетической направленности//Эксперимент и инновации в школе - 2012-№ 4 С.15-21.
2. Тагильцева Н.Г. Инновационная среда художественно одаренных детей: детский сад-школа-вуз// Инновационные проекты и программы в образовании – 2014 - № 1. С.34-38.
3. Тагильцева Н.Г. Развитие творческой активности детей и юношества: детский сад-школа-вуз // Инновационные проекты и программы в образовании. 2012- № 2. С.42-46.

УДК 291.13

КУЛЬТУРА АКТУАЛЬНОСТИ: МИФОЛОГИЯ ВХОДА ЧЕРЕЗ ВЫХОД

Ольховиков Константин Михайлович

доктор философских наук, профессор

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Ольховикова Светлана Валерьевна

кандидат философских наук, доцент

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

ACTUALITY CULTURE:

MYTHOLOGY BACK IN THROUGH THE OUT DOOR

Konstantin Olkhovikov,

Doctor of Philosophy, Professor;

Svetlana Olkhovikova,

Kandidat of philosophy, associate professor;

Ural federal university, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Исследования актуальной культуры дают возможность анализа феноменов, к которым неприменимы классические модели культуры. Особенно это касается современных форм мифа. Характеристике этого аспекта актуальной культуры посвящена данная статья. Показана уместность концепций В. Т. Шапка, М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева,

К. Г. Юнга, Э. Эриксона для понимания и объяснения актуальных мифологических трансформаций современной культурной коммуникации.

ABSTRACT – Actual culture studies make possible the analysis of phenomena outside the relevance of classical cultural models. Especially this is true in case of modern mythic forms. This article is devoted to analysing of the latter aspect of actual culture. The applicability of concepts argued by V. T. Shapko, M. M. Bakhtin, D. S. Likhachev, K. G. Jung, and E. Erikson is demonstrated via comprehension and explanation of actual mythological transformation of modern cultural communication.

Ключевые слова: актуальная культура; актуальный миф; культурная коммуникация; социокультурная динамика; мифотворчество.

Key words: actual culture; actual myth; cultural communication; sociocultural dynamics; myth-making.

Актуальная культура была предметом исследований замечательного уральского социолога Валерия Трофимовича Шапко [3]. Особенностью этого подхода было объяснение неоднородности культурных феноменов, уровней и способов их репрезентации, равно как и значимости существования различных аспектов культуры. В целом такая трактовка создает пространство понимания культуры и социальной жизни, позволяющее уйти от стандартного противопоставления «культурного лага» и «культурной миссии». Вместе с тем, понимание актуальной культуры также приводит и к предметному разговору о границах культурных явлений как таковых. Это создает возможности для исследовательских допущений относительно «отложенной актуальности» культурных феноменов и смыслов, относительно значимости «неактуальных» в социальном смысле культурных ресурсов, в целом относительно природы актуальности в зеркале культуры.

Актуальность как таковая мимолетна. Культура как таковая вечна. Но социальная жизнь и ее властные коллизии периодически все переставляют с места на места, и мимолетное становится тотальным. И нет ничего мимолетнее вечной власти мифа. Бессознательное властвует там, где есть видимость отсутствия рациональных смыслов, включая как целевые, так и ценностные параметры полагания. Миф не поддается критериям оценивания в терминах теории действия или теории системы. Территория мифа не актуальна сама по себе; архаичный миф задает универсальную формулу становления культуры как таковой, а современный миф по сути фрагментарен и эксплуатирует разрывы и неудовлетворенности актуальной социальной жизни. В любом случае, миф в равной степени невозможно отождествить с недифференцированными формами культурной ментальности, равно как и нельзя свести актуальный современный миф к формам авторской приватизации, будь то искусство или политика. Мифа не становится меньше, но бытование современных мифов актуализируется посредством очевидно, но обманчиво а-мифологических форм мышления и поведения. Эта особенность специфична именно для текущего столетия. Двадцатый век вполне изобличил себя идеологическими мифами высокого градуса тотальности. Это идеологическое мифотворчество сформировало язык публичных информационных претензий, вооружило власть в ее взаимоотношениях с обществом устойчивыми структурными сюжетами, маскирующими реальность происходящего от всех его участников. Но это же идеологическое мифотворчество отнюдь не исчерпало позитивные и негативные ресурсы актуальной идеологии, но приготвило почву для актуализации совершенно иных способов воспроизводства социальных смыслов и интересов.

Актуальность мифологии XXI в. реализуется через периферийные культурные сюжеты, раскручиваемые средствами массовой коммуникации. Все значимые фигуры политических, социальных, культурных деятелей стали сравнимы с конфигурациями популяризируемых имиджей, поскольку питаемы одной и той же почвой незатейливой и опасной публичности. Сегодня новость дня – это новость о новости, но данная тавтология не отвечает деконструктивным толкованиям в духе цитирований и переносов. Сегодняшняя актуальность сиюминутна и непритязательна, а потому всевластна (в ограниченности момента ее распро-

странения и циркуляции в информационной коммуникативной среде). Культура рискованна в ситуации рефлексивных оценок. Культура малопонятна посредством «культурных» критериев, культура несамодостаточна в смысле ненаблюдаемости для самой себя. Уникальность культуры актуализируется различными, зачастую несравнимыми способами и путями. В свою очередь, именно культура создает историческую уникальность социальной ситуации. Актуальность невозможна без эксплуатации культурных смыслов.

Случайное и провинциальное имеет подчас роковые шансы в культуре актуальности. Не тон, но оттенок зачастую решают исход борьбы за публичные предпочтения. Ничтожность повода не в силах остановить исторический сдвиг, но может успешно возглавить его. Отсутствие ценностных образцов, сравнимых с лучшими образцами культурной традиции, не создает эффекта ненадежности того или иного начинания, стремящегося к публичной актуальности. Благословение мифом способно поправлять ситуацию производства смыслов на генетическом уровне. Ненаблюдаемость актуальных мифов явлена повсеместно и выражена в несравнимом разнообразии «материала» социальной действительности. И если целостный архаичный миф состоятелен в качестве универсального способа становления культуры и культурных смыслов, включая личность, то актуальность мифологична прежде всего, как способ выживания культуры через случайные, зачастую внешние социальные обстоятельства. Эта разнонаправленная и хаотичная диалектика значимого и случайного отличается от цикличной регулярности карнавальной культуры. М. М. Бахтин последовательно раскрыл диалектику «верха» и «низа» в качестве универсальной формулы актуальной культурной динамики [1], но современная ситуация выпадает за рамки этой когнитивной модели в силу фрагментарности и нерегулярности актуальных проявлений. Такова игра мифа на территории мифотворчества. Миф наиболее полно и надежно овладевает тем, что ему сопротивляется. Бессознательное охватывает рациональность с разных сторон, просачивается в нее «изнутри». Для этого всегда готова архаичная структура порождения смыслов, от которой происходят любые возможные формы рациональности.

Ключевой структурой текущей актуальности оказываются исторические сюжеты. Парады суверенитетов на постсоветском пространстве, иллюзии интеграции в европейскую цивилизованность этно-национальных образований, не реализовавших свои шансы ранее – все это заведомо сиюминутно для всех участников локальных вариантов глобальной трагикомедии. Ложь очевидцев исторических событий, порожденная соблазнами вне-историчности любого исторического наблюдателя по Дмитрию Сергеевичу Лихачеву [2], успешно замещается ложью публичных лиц. Невразумительные этнографические намеки и культурные и социальные стереотипы становятся само собой разумеющимися фигурами умолчания. Все это придает сиюминутности впечатление ожидаемой новизны. Поистине, все невозможное возможно, но в пределах наших коллективных иррациональных стремлений.

Аргументация текущей актуальности стремится также задействовать ключевые конфигурации рациональности, освоенные культурной традицией при переходе от мифа к религии. Прежде всего, это смыслообраз апокалипсиса. При этом важно учитывать фундаментальную разницу культурной предыстории апокалиптических сюжетов. Классический анализ многомерности экстравертирования и интровертирования, проведенный Карлом Густавом Юнгом [5], оставляет эвристическое пространство понимания смысловых вариаций различных культурных традиций. Безусловно, пространство исследования различных мифологем гибели текущей цивилизации способно принести неожиданные результаты на материале любой из актуальных культур. Сюжет конца света, конца истории, конца жизни на Земле, конца вселенной, и конца всего сущего нельзя раскрыть вполне через описание типов актуального социокультурного мифотворчества. Но построение и апробация подобных типов создают методологическое пространство понимания уникальных культурных ситуаций, которые вне такового пространства рискуют остаться незамеченными.

В общем и целом универсально прослеживается различие дидактической, натурфилософской, и поэтической мифологии при переходе от архаичного мифа к религиозным формам сознания и последующим идеологическим конфигурациям. Поэт как политическая фи-

гура, посредник между народом и властью, медиум между Богом и народом выражает безусловную уникальность индивидуализма, трагедию условно-безусловного экстравертирования. Такова конфигурация рациональной цивилизации материальных ценностей, имеющая западное происхождение. Учитель мудрости как истолкователь аутентичных смыслов и сюжетов, фигура уединенности и обособленности в миру выражает драму сокровенно-откровенного интровертирования. Все большие длительности восточных ментальностей взаимосвязаны с подобными социальными технологиями истолкования мифа. Своеобразным обманчиво общим знаменателем актуализации мифологических картины выступает натурфилософская деятельность. Это широкое и неравномерно ясное или отчетливое поле представлений, образов, знаний, порождающее фактологию во всех ее ипостасях – от фундаментальных наук до политики и юриспруденции. Глобализация информационного поля создает предпосылки интенсивных обменов мифологическими практиками, аргументами умножающими приемами понимания-непонимания. Вероятность непредсказуемой популярности появляется у заведомо локальных публичных акторов. Способы прочтения популярных фигур становятся обоюдоострым инструментом международной политики, которая достигает своим широким потоком всех реципиентов сетевых информационных связей.

Доступные мобильные устройства с выходом в интернет стали самым массовым потребительским сегментом среди актуальных гаджетов. Азиатский, африканский, южноамериканский, евразийский рынки вполне еще не освоены. И это не вопрос маркетинга, а вопрос политических приоритетов и контекстов цивилизационного влияния во всех социальных пространствах и локусах. Меняющаяся инструментальная среда коммуникации создает новые пространства актуализации. Новые смыслы не создаются, единственное, что имеет смысл, это тиражирование смыслов. Эти смыслы актуальны в силу узнаваемости, восприимчивости, последующей тиражируемости и воспроизводимости.

Мозаичность профессиональных ожиданий со стороны рынка труда и со стороны индивидов устойчиво выражает многообразие разделительных линий между поколениями. Флуктуации сфер услуг и посредничества создают новые наборы установок профессиональной карьеры для сегодняшних студентов. Уходящие поколения «второго и третьего возрастов взрослости» (терминология Эрика Эриксона) все еще доминируют в ролевых исполнениях ключевых социальных статусов [4]. Но средой этого доминирования уже необратимо выступает подростково-молодежная культурная (субкультурная) стилистика. Таким образом, доминирующие конфигурации смыслов периферийны по своему происхождению, а механизм их востребованности обманчиво централизован и исполнен канонами традиционной рациональности. Впрочем, именно эти последние сплошь и рядом становятся предметом обыгрывания и манипулирования, что призвано сформировать впечатление прогрессивной новизны.

Социокультурная динамика гетерогенной эпохи не создает больших сложностей для власти, напротив, вооружает ее неопределенно далеко идущими последствиями собственного влияния. В действительности неясной становится ситуация с критериями понимания и оценки рисков растущего взаимного непонимания при интенсивных социально-символических обменах. «Снежный ком» актуальности питается непониманиями и инфляцией смыслов. Если в XX веке мифотворчество освоило технологию манипуляции сознанием, то в XXI веке наиболее востребованным оказалась технология манипуляции поведением. Мишень политиков – социальные взаимодействия, коммуникации в самом широком смысле слова. Формы проявления – от флешмобов до цветных революций. Смысл никому не интересен, не важен и результат, интерес сконцентрирован на процессе. Фрагментация стилистики актуально не нуждается в конфигурациях большого стиля, но контекстуально предполагает его присутствие. Присутствие отсутствия, в очередной раз.

Харизма и все то, что исконно считалось точкой достижения определенного результата властного влияния, будь то легитимность или иная форма отложенного доминирования, превращается в точку отправного путешествия во власть. И эпифеноменально такая возможность открыта любому актуально живущему индивиду. Конфликт стал любимой игрой акту-

альных социальных сил. Критериями функциональности – дисфункциональности конфликтов перестали быть выигрыши и проигрыши сами по себе, ибо сама по себе публичность коллизии уже актуально востребована как точка псевдо-харизмы коммуникативной востребованности сюжета и его коммуникативного влияния.

Так называемая постнеклассическая рациональность принципиально не породила новой методологической схематики. Даже ее терминологический статус недвусмысленно возвращает нас к точке опосредования между классикой и неклассикой (современностью), но будто бы уже и за рамками современности. Действительность в ее реальных и виртуальных проявлениях простерлась далеко за рамками подобных методологических переполюсов и иных версий переформатирования одного и того же кода рациональности. То, что актуально востребовано сейчас и в ближайшем и относительно отдаленном будущем – это радикальная реконструкция способов понимания и объяснения культуры, невозможное без включения принципиально нового содержания и способов его репрезентации, в совокупности ломающих напрочь существующую методологическую традицию и создающую принципиально новое пространство мышления, до сих пор занятое мифом. Миф как таковой не остается неподвижным балластом социокультурного процесса, или его инвариантным знаменателем. Миф актуализируется в многообразии форм, и это многообразие несравнимо богаче имеющихся методологических инструментов исследования культуры. Неподлинные современные мифы актуальны в силу своей меньшей наблюдаемости и идентифицируемости по сравнению с классическими формами рациональности и мифомышления.

Стремление к вечной молодости стало уникальной чертой современного актуального в своей неподлинности культурного стиля. Это не гламур, и не анекдот, это большая политика. Обыватель, президент, не говоря уже о так называемых звездах, все они просто с завидной категоричностью признают разнообразными приемами востребованность этого неподлинного мифа. Причина очевидна – простенькая, на первый взгляд мифологема «вечной молодости» подминает под себя саму идею движения, изменения, заменяя живого человека пластмассовой куклой и «пилюлей счастья». Анализируя подобные актуальные мифологические осколки, мы фактически продвигаемся к новой методологии понимания культуры как социального процесса. И движение происходит не по следам социальных стереотипов или механизмов социальной стереотипизации, а по принципу собирания актуально доминирующих смысловых культурных фрагментов, которые не попадают в поле методологического анализа в силу их якобы несущественной репутации.

Студенческая аудитория – кладезь самых свежих и неизбитых версий реализации актуально неподлинных мифологических осколков. Судьба такого уникального советского – постсоветского – постмодернистского – ризоматического проекта как КВН демонстрирует это прекрасно. Невозможно говорить о качестве юмора, когда шутит сама эпоха.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; 1990. 704 с.
2. Лихачев Д. С. Принцип историзма в изучении литературы / Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996. С. 103–127.
3. Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры / Социс. 1997. № 10. С. 93-104.
4. Эриксон Э. Жизнь перед лицом смерти / Эриксон Э. Трагедия личности. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. С. 101-125.
5. Юнг К. Г. Аналитическая психология и воспитание / Юнг К. Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание. М.: Олимп, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. С. 19-59.

УДК 331.548-053.81 (470.5)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ В УРАЛЬСКОМ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ

Орлов Владимир Анатольевич